

Теория общества А.С.Хомякова

Алексей Степанович Хомяков (1804-1860) родился в старинной московской дворянской семье. По матери, урожденной Киреевской, он состоял в близком родстве с другим московским славянофилом И.В.Киреевским. Равным образом родственные связи прослеживаются практически со всеми членами группы старших славянофилов. На эту особенность обратили внимание еще первые исследователи их творчества. Хомяков получил образование в Московском университете, закончив в 1822 году физико-математический факультет. В период с 1823 по 1826 год он служил в кавалерийском полку, а в 1828 году принял участие в русско-турецкой войне. Всю жизнь он прожил в Москве как русский барин, посвящая свой избыточный досуг чтению, сочинениям и интеллектуальным опытам. Хомяков оставил после себя многочисленные труды, собранные в восемь томов собрания сочинений и переизданные в прошлом веке дважды. Скончался Хомяков в расцвете творчества, неожиданно заболев холерой.

Хомяков был целостной и яркой личностью, сила которой определялась страстной религиозной верой, глубокой и проникновенной, почти фанатичной. Н.А.Бердяев называл его "рыцарем церкви", а А.И.Герцен в аллегорической форме писал, что "Хомяков, подобно средневековым рыцарям, караулившим храм Богородицы, спал вооруженным".

Однако творчество его эклектично. Трудно назвать область знания, в которой бы он не попробовал свои силы. Писатель, поэт, историк, механик, кинолог, земледелец - вот далеко не полный перечень его талантов. Раскрыв третий том собрания сочинений, мы обнаружим в нем статьи об охоте, спорте, крестьянской общине, вопросах юриспруденции, скопцах, картине художника Иванова; разбор оперы Глинки, рассуждения по поводу строительства железных дорог, план и чертеж элемента парового двигателя и т.д. Он занимался улучшением породы собак, изготовил особенное охотничье ружье, сконструировал паровой двигатель, за который был награжден Английской академией наук. Подобная творческая всеядность сопровождалась чрезвычайной уверенностью в правоте собственного дела. В этом отношении интересен факт дискуссии с профессором истории Т.Н.Грановским по вопросу происхождения племени бургундцев. Грановский отсылает Хомякова к десятку исторических источников, приводит как профессионал неоспоримые факты, но Хомяков упорно придерживается изначальной точки зрения. В результате после двукратных публикаций с обеих сторон на страницах научного журнала Грановский был вынужден благоразумно прекратить дискуссию за полным дилетантизмом своего оппонента, но при этом последнее слово и видимость победы остались за Хомяковым.

Множественность интересов Хомякова компенсировалась одной сильной страстью - защитой веры. Все его творчество пронизано этой идеей. Даже работы, не имеющие никакого отношения к христианству, несут отпечаток апологетики. Павел Флоренский в работе, посвященной

Хомякову [70], пишет, что у него почти не было изменений во взглядах, он говорил всегда об одном, его мысль равна себе.

В отечественной научной литературе Хомякову отдается приоритет религиозного лидера старших славянофилов. Он не являлся формальным лидером и организатором кружка, но именно благодаря его страстной вере и настойчивости публицистическая и научная деятельность единомышленников была направлена в нужное русло.

При жизни Хомяков имел некоторые трения с официальной церковью, так что его "Опыт катехизисного изложения учения о церкви" был впервые напечатан лишь в 1864 году, после смерти автора. Несмотря на это, современное православное богословие ставит ему в заслугу создание учения о церкви, не имевшее прецедентов за всю почти двухтысячелетнюю ее историю. Кажется странным, но ни один из восьми Вселенских соборов, разрабатывавших догматы и символы веры, не смог дать столь емкой и широкой трактовки церкви, как это сделал Хомяков.

Учение о церкви. С его точки зрения, "церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божьей благодати живущих во множестве разумных тварей" [76, с.3]. К "разумным тварям" он относит: 1) людей, ныне живущих на земле; 2) людей, завершивших земной путь; 3) людей, еще не начавших земного пути; 4) тварей, не созданных для земного пути, или силы небесные. Таким образом, под Церковью с большой буквы Хомяков понимает отнюдь не архитектурное строение или объединение единоверцев, не отдельную автокефалию или конфессиональное единство, но совокупность и единение всех людей живших, живущих и будущих жить в христианской вере от пришествия Христа и до Апокалипсиса. Именно в этой целостности заключена вся истина и справедливость человеческого существования. В ней и только в ней реализуется замысел творения мира. Вне ее невозможно говорить ни о справедливом существовании, ни о реализации целей человека. Разумеется, подобное единство не может быть осуществлено внешним принудительным или распорядительным механизмом, для него необходимо внутреннее духовное ничем не регламентированное единение. Отсюда Хомяков лишает церковь качества авторитета, оставляя за ней только истинность: Христос не сказал "повинуйтесь Мне", но "веруйте в Меня".

Критика начал западных исповеданий. Сущность церкви в единстве, вне единства она является простым религиозным союзом, полагает Хомяков. Именно такое единство сохранялось вплоть до девятого века, пока не появилась новая ересь - папизм. Хомяков делает акцент на том, что ни одна ересь до этого не затрагивала традиции целостности церкви. Так, например, ариане, критикуя догмат о человеческом естестве Христа, не стремились разорвать церковное единство.

Однако в IX веке в католическом Риме родилась ересь папизма или романизма, которая самостоятельно внесла в символ веры принцип *filioque*, согласно которому Святой Дух нисходит не только от Бога Отца, но и от Бога Сына. *Filioque* был частным мнением римской епархии и, по

сути, не являлся еретическим, ибо не содержал прямого противоречия Священному Писанию. Однако для того, чтобы данное частное мнение приняло законную форму догмата, оно должно было быть внесено в символ веры после соответствующего решения Вселенского собора. Рим не захотел следовать установленной процедуре и самостоятельно, в непомерной гордыне, внес частное мнение в текст символа веры. Таким образом, он присвоил себе полноту решения Вселенского собора, поправ тем самым изначальное церковное единство, полагает Хомяков. Вместо истинности и непогрешимости церкви Рим выдвинул идею непогрешимости папы, не выдерживающей ни теологической критики, ни проверки историей. Известно, говорит Хомяков, что непогрешимость может быть дана либо от святости, либо от благодати. При этом святостью обладает лишь единая церковь, а не один человек, а благодать снизошла непосредственно от Христа лишь на его учеников, среди которых только один стал римским первосвященником - св. Петр, все последующие папы ее не получали. Что же касается проверки историей, то она донесла до нас имена 42 антипап, или таких неистовавших пап, действия и поведение которых элементарно не соответствовало христианской этике.

Самоуправство Рима, по мнению Хомякова, привело к разделению единой церкви. Вместе с этим внешним фактором церковь лишилась главного внутреннего содержания - изначальной истинности. Вследствие раскольнических действий латинства, нарушилась организация человеческого общежития, подтверждением чему является людская неустроенность в этом мире и общественная несправедливость. Нет изначального единства церкви, завещанного Христом, следовательно, нет организованности в общественной жизни. Однако образ былого церковного единства сохранен в той части распавшейся церкви, которая не нарушила соборной традиции и не запятнала себя раскольничеством. Разумеется, таковой Хомяков считает православную церковь: "церковь после отпадения многих расколов и Римского патриаршества сохранилась в епархиях и патриаршествах Греческих" [76, с.26].

Хомяков пишет о церкви как о высшей степени организации, по отношению к которой общество и общественность выступают как внутренние части целого. Здесь Хомяков не оригинален и не выходит за рамки теологических построений, согласно которым мир дольний, включающий в себя общественную организацию, есть эманация мира горнего. Хомяков довольно часто обращается к понятиям, раскрывающим содержание общественной жизни, однако, по понятным причинам, никогда не заостряет на них внимание. Мы же, реконструируя его учение, напротив, вынуждены обращаться, в первую очередь, именно к этой стороне.

Содержательная сторона теории Хомякова в том, что он четко определил отличительную черту западного общества - его множественность и разобщенность. Он пишет о "размножении новых сект, обилии политических агитаций, народных движений, распрей и союзов с кабинетами..." [76, с.156]. Хомяков косвенно подводит своего читателя к

осознанию наличия социальной структуры. Он видит в социальном многообразии латинства отрицательную сторону человеческого общежития. А эталоном общественной организации является для него недифференцированное социальное единство, этот своеобразный аналог единства церковного.

По отношению к теории Хомякова можно употребить понятие "недифференцированное единство". Оно отражает состояние социальной действительности, характеризуемое рядом черт: 1) наличием социальной целостности; 2) наличием единого объединяющего начала; 3) отсутствием внутренней общественной борьбы; 4) отсутствием текучести и изменчивости форм государственного правления; 5) отсутствием политической многопартийности; 6) наличием общественного сознания, для которого социальное деление не является принципиально значимым.

Хомяков рассматривал общественную организацию по аналогии с церковной. Отсюда можно указать на явную несоциологичность Хомякова. Дело в том, что условия возникновения науки социологии предполагали наличие уже сформировавшейся социальной дифференциации, обнаружить и исследовать последствия которой должна была новая общественная наука. В наиболее развитых западноевропейских государствах, таких как Англия, Франция, Нидерланды после ряда буржуазных революций и периода активного развития капитализма такие условия появились, но для России первой половины XIX века о них еще рано было говорить. Социальная структура общества соответствовала состоянию низкого хозяйственного развития, фактически она была гомеостезирована, разделение происходило по сословным, архаическим признакам. В этих условиях стремление Хомякова к единству отражало фактическое состояние русского общества в его социологическом срезе.

Интересен факт сравнения Хомякова с родоначальником социологии Огюстом Контом (1798-1857). Годы их жизни и творчества практически совпадают. Оба они явились основателями теоретических течений, причем диаметрально противоположных. Конт дал начало социологии - науке, предназначенной объяснить создание сложносоставного конструктива общества в процессе своего развития, или, согласно терминологии Конта, в ходе прогресса. Для этой цели социология опиралась на свои специфические методы исследования, схожие в целом с методами естественных наук. Хомяков в России дал начало социально-философской методологии, принципиальной чертой которой явилось отрицание дифференциации социального пространства. Продолжая сравнение, обратим внимание еще на одну деталь. Хомяков, хотя и негативно, рассматривал сферу общественной структуры, в то время как у Конта акцент сделан на общественном развитии, социальной динамике, прогрессе. Элементы структуры Конт отразил в теории социальной статики, где ему потребовалось прибегнуть к понятию гармонии. Гармонизации у Конта подлежат противоположности: индивидуальные устремления личности, мужское и женское начало в семье, общественные интересы и интересы власти в государстве. Хомяков, изначально

отрицавший социальную дифференциацию, был свободен от необходимости гармонизировать противоположности.

Экстраполяция религиозной концепции на общественное устройство приводили Хомякова к некоторым противоречиям. С одной стороны, он вынужден был констатировать высокий уровень европейского просвещения и признавать, что "в продолжение веков Запад совершил великие дела", однако, с другой - напоминал, что последний двигался в своем развитии ложным путем церковной и общественной разобщенности. Для разрешения противоречия Хомяков оговаривает, что положительные результаты развития есть следствие христианства или той части его созидательной энергии, которая была аккумулирована еще до разделения церкви. При этом подразумевалось, что запас конструктивной энергии подошел к концу и если не произойдет объединения христианской церкви, то внутренний общественный разлад окончательно погубит западное христианство, а вместе с ним и его общественную организацию.

Положительная теория личности у Хомякова отсутствует. Для него отдельная личность это "совершенное бессилие", "внутренний непримиримый разлад". Личность у Хомякова тонет в общественности, она отрицается в пользу общества, и это также вытекает из его религиозной концепции. Он пишет: "...войдите в протестантский храм, не в совершенном ли одиночестве стоит в нем молящийся? ... Войдите в Римский храм. Молитва каждого сливается ли в одну общую молитву? Голос хора есть ли выражение мысли всех? Нет, и здесь человек остается одиноким перед молитвою... Мы (православные. – С.М.) молимся потому, что не можем не молиться, и эта молитва всех о каждом и каждого о всех" [76, с.120]. Хомяков отдает предпочтение общественному перед индивидуальным. Он полагает, что данное соотношение свойственно для России в силу целостности, которую несет православная церковь.

Хомяков создал печальный прецедент игнорирования личности в русской социально-философской мысли. Из рассматриваемых в данной работе персоналий безоговорочно признавали приоритет личности и ставили ее в основание социальной теории только Бердяев и Чичерин. Прочие авторы либо отрицали ее значение в обществе, подобно Хомякову, либо выстраивали паллиативные конструкции.

Хомякова следует отнести к наиболее широкому, почвенническому направлению в русской социально-философской мысли. Он отстаивает мнение о самобытности русского народа, противопоставляет его европейцам, при этом основной акцент приходится на православие. Национальная самобытность не является результатом труда, но следствием принятой им веры. В известном смысле его почвенничество не требует от народа как носителя социальных ценностей никаких затрат, связанных с организаторской, производственной, политической и иными видами деятельности. Можно говорить, что Хомяков, в определенной степени, способствовал распространению социального инфантилизма, возлагая надежду на самобытность и православие.

Необходимо обратить внимание на некоторую особенность теории Хомякова. Несмотря на то, что православие сыграло решающую роль в организации общественного устройства в России, он практически не обращается к нравственной стороне русского народа. Он лишь четко отслеживает различие между общественным бытом европейских стран и бытом русского народа, отдавая предпочтение последнему. Преимущества русского быта в простоте и естественности общения, в отсутствии формализованных государственных, имущественных и правовых процедур.

Хомякова никак нельзя назвать социологом ни по методу исследования, ни по той синтетической парадигме, которая исходила из аналогии церковного соборного единства. По объекту наблюдения и особенно по тем целям, которые преследовались в процессе данного наблюдения, Хомяков должен быть назван первым отечественным социальным мыслителем, во многом определившим ход развития русской социальной мысли в одном из его теоретических направлений.